

Анастасия Чернова

Горький шоколад

Повести

16+

Анастасия Чернова
Горький шоколад

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Чернова А. Е.

Горький шоколад / А. Е. Чернова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Герои повестей – наши современники, молодежь третьего тысячелетия. Их волнуют как извечные темы жизни перед лицом смерти, поиска правды и любви, так и новые проблемы, связанные с нашим временем, веком цифровых технологий и крупных городов. Автор настойчиво и целеустремленно ищет нетрадиционные литературные формы, пытается привнести в современную прозу музыкальные ритмы, поэтому ее отличает неповторимая интонация, а в судьбах героев читатель откроет для себя много удивительного и даже мистического.

Повесть.
Первый снег

1.

Тимур всегда ходит пешком. Даже на последний, девятый, этаж. «Это полезно, ты тоже сама поднимайся», – сказал он Маше. Она только рассмеялась: последний дом, перед широким полем – особенный, на площадках, между этажами, часто стоят какие-то люди, курят и поют песни, а на ступенях спят их товарищи.

– Ну и что, – отреагировал Тимур, – вообще, это непорядок. Я имею в виду песни на этаже. Хоть милицию вызывай! А старшая? Куда она смотрит?

– Тиму-у-ур... – протянула Маша, – неужели ты сам раньше не тусовался в чужих подъездах?

– Я? Да никогда! Я учился. В олимпиадах участвовал.

Здорово, конечно, с детства быть таким собранным. Маше вспомнилось, как Леша, ее родной брат, часто пропускал школу, а когда ему исполнилось семнадцать, иногда не возвращался ночью домой. Мама ждала его, выходила к подъезду, всматриваясь, провожала взглядом редкие автобусы. Маша тогда оставалась одна. Она сидела, не шевелясь, на кровати, и картины, одна страшнее другой, возникали перед глазами.

Тогда они жили в другом районе, снимали двухкомнатную квартиру. Под окнами проходила дорога, и глухой шум машин, проникающий через балкон, витал по комнатам непрерывающимся, пустым шуршанием...

Казалось, гул этот въелся в сами стены, в обои, в ковры на полу. Любое прикосновение оставляло отзвук монотонного хода транспорта. Приемник пел шершавые песни, шторы роняли шершавую тень. Звук и цвет, и воспоминания – все имело общий терпкий привкус. Маша, когда сидела за своим столом и готовила уроки, чувствовала дорогу, ее постоянное движение. Дорога просвечивала сквозь сон, мутный, как фары. Дорога, словно сердце города, – мерно билась, распространяя жизнь. Наконец, и сама Маша будто вошла, погрузилась внутрь этой сухой и мертвой приглушенности не звука – а отзвука, не вкуса – а всего лишь привкуса. С тех пор она перестала замечать, как тоскливо шумно вокруг, как пыль парит в вечернем воздухе.

Но в ту ночь, когда Леша не вернулся домой, ей вновь стали слышны малейшие звуки пугающего троллейбусного звона.

– Мама, – позвала Маша.

Но мамы не было рядом. Она ждала на улице Лешу и не верила, что он исчез где-то на московских дорогах...

– Ты чего, Маш, – спросил Тимур, – чего задумалась?

– Да... да так. Вспоминаю. Я никогда не участвовала в олимпиадах.

– Правда?... А я старался учиться на пятерки.

– Мм...

– Ты чего, Маш! – Тимур заулыбался, – школа в прошлом, а ты такая милая! – И он, нагнувшись, быстро поцеловал ее. Губы его были липкими от варенья.

В ночном звоне троллейбуса зловеще гудел лес; Маше вспомнился теплый день и как они с братом поехали вдвоем гулять, тайно, ничего не сказав маме. Это было, пожалуй, лучшее время, спокойное, радостное, с долгими светлыми вечерами; приближалась летняя сессия, и Леша всегда был дома, торопливо писал рефераты. А тут говорит: «час от Москвы, электричка, чипсы, пиво, лес, бревно, ручей...»

«Давай! – сразу согласилась Маша, ей было уже тринадцать, – накупим булочек и пирожков!»

– Мучное не ем, – сморщился Тимур, – а вот варенье мне понравилось...

– На рынке купила.

– А мои родители сами готовят на зиму, вишневое. С десяток банок!..

В лесу высокие, устремленные к облакам, густые березы! Высокие травы, запах смолы и незнакомых горьких ягод. Перелески чередовались с небольшими лужайками, все было наполнено светом и трелью птиц.

«Держи, – Леша протянул футляр с фотоаппаратом, – ты же хотела».

Они расстелили старое покрывало и сели в тени, под орешником.

Узкий ручей, огибая корни, серебрился неподалеку. Леша достал из рюкзака персиковый сок, сушки и сигареты.

«Ты же, кажется, хотел бросить?»

«Пока нет...» – он встряхнул со лба челку. Его глаза были темно-голубыми, а лицо бледным, даже серым, оттенка газетной бумаги. Но когда Леша улыбался – на щеках появлялись аккуратные, очень милые, ямочки. В тот день он почти не улыбался. Он лежал на животе, смотрел на ручей. Листья и мелкие палки, кусочки коры – неслись, подхваченные быстрым течением. Пил сок, курил.

Через неделю он пропал.

– А бабушка консервирует, – продолжал Тимур, – на даче выращивает клубнику. Крупная! А какая сладкая! И вот на зиму, значит...

С тех пор летние короткие ночи стали особенно тревожными, мир медленно погружался в стоячее, душное марево, из которого нет выхода. Только небо, ярко-голубое, льет безразлично свой жаркий свет...

– Терпеть не могу клубнику! – отвечает Маша, – и лето – тоже.

– Ну, даешь... – удивляется Тимур, – как хорошо ведь летом! Выезжаешь на дачу к бабушке. И вот сидишь где-нибудь, читаешь. А вокруг... цветы, бабочки... Красота!

– Ты ездешь на дачу?

– Конечно. Или на море. Как здорово купаться... рано утром... Скажи, а почему ты не любишь клубнику?

– Аллергия.

– Ой, вот не повезло... В детстве клубнику ел прямо с грядок. Здорово!

– Мне иногда снится лес... там, знаешь, – Маша замолчала, ей хотелось рассказать про ручей и про густые ели. То самое место. Орешник. Яркой волной зеленого, дикими полями и перелесками проливался сон, и как радостно ступать по мягкой, теплой земле, усыпанной иголками. Но было, кроме покоя и красоты, еще какое-то чувство. Сон начинался всегда одинаково – разувшись, Маша переходила ручей. Босоножки она несла в руке. И там, на другой стороне, продолжался тот же самый лес. Тот же самый, но иной. Березовые рощи сменяются солнечными лугами, по небу плывут белые облака. Радость? Нет, не совсем. И не грусть, и не равнодушие. Чем дальше – тем прекраснее дали, тем больше света, даже стройные стволы деревьев отливают золотым, и каждый лист – как тончайший изгиб единого, бесконечного, кружева. Так хорошо здесь, но нельзя сказать: счастье в этом или печаль. Ощущение из иного измерения. Маша не может подобрать точного слова, выразить это непонятное странное чувство. И молчит.

– Вот-вот, – подхватывает Тимур, – лес мне тоже снится! А еще небо! И ты летишь по небу, да?

– Не знаю... нет, не совсем.

– Я часто летаю во сне! – продолжает он.

Его голос самоуверенный, и вид очень довольный.

«Подумать только! Какие сны!.. И жизнь как четкий вектор на белом листе бумаги».

2.

Тимур и Маша познакомились в этом году, в самом начале весны. Он выступал на конференции, посвященной творчеству Льва Толстого. Строгий костюм, вьющиеся волосы, разделенные на пробор, и тонкое, даже утонченное, лицо с небольшими темными глазами, а в спокойном, тихом голосе чувствовался ум. Но Маша могла и забыть, если бы в тот же самый вечер они не встретились в автобусе. Теперь он был в очках и стоял, держась за верхний поручень. За окном плыли новостройки, тесные двory, заставленные машинами, и редкие чахлые деревья у подъездов – обычная серость спального, многолюдного района. Снег еще только сходил, по асфальту ползли желтоватые ручьи, и сугробы на газонах казались черными, словно гниющими изнутри.

Через минут пять автобус застрял в пробке. «Жаль, – подумала Маша, – я не села на маршрутку. Мигом бы объехали...» Словно в подтверждение – в глубь двора, петляя, нырнула маршрутка. Маша скосила глаза, а тот, с конференции, хоть бы что, достал толстую книгу и теперь увлеченно читал. «Мда,.. времени зря не теряет...» Неожиданно он поднял голову и посмотрел прямо на нее. Улыбнулся. Маша ощутила внутри себя легкий холод и закрыла глаза.

Но он уже говорил:

– А мы ведь знакомы! Вот интересно! Куда ты едешь?

– Знакомы? – Маша схватилась за поручень, автобус судорожно качнулся.

– Тимур. Меня зовут Тимур!

– Мария... – ей понравилось товарищеское и простое обращение на «ты», – я – домой.

– Вон как. Ну и я тут живу. Вот так совпадение!

– В одну сторону от метро... – уточнила Маша.

– Да, хорошо бы пешком. Но далеко, а потом – такая погода...

– Зато читать можно...

– А? Ну да, а то! – он приглушенно рассмеялся, – самый раз для «Войны и мира». При желании всю классику осилить можно.

– Неужели?

– Конечно! Толстой, Тургенев и Бунин – вот вся наша классика. Я бы сказал, столпы всего. Остальное – ветви.

Тургенев с Буниным всегда казались ей несколько тягостными писателями, прекрасные и печальные девушки Тургенева, от смуглых лиц которых веяло нафталином, и герой Бунина, погруженный в краски и звуки мира, словно утопленник. Но она промолчала.

– Но, кстати, – продолжил Тимур, – читать в транспорте я бы не рекомендовал. Трудно сосредоточиться, толкотня.

– Разве что детективы.

– Детективы, – он поморщился, – я не читаю.

– А почему? Вот там сюжеты! «Господин с собачкой». В пальто, утром, идет по бульвару. Собачка на бельевой веревке.

– В детективе много выдумки. И мало созерцания.

– «Торговый ряд», – объявил водитель, – следующая остановка «Гастроном».

– А мне выходить через одну, на «Универсаме», – сказала Маша.

– Ой, мне тоже! Где ты живешь?

– В доме 45, такая высотка из красного кирпича. Самая крайняя. За ней пустырь.

– Так мы соседи... Я живу рядом, в доме 47... Ну и дела! Как здорово, что мы встретились. Вообще, на автобусах редко езжу. Поэтому, наверное, классику не всю еще осилил. Мировую, имею в виду. Обычно на машине, и очень быстро. Я объезжаю пробку дворами.

– Дворами?

– Да, но сегодня и завтра машина в ремонте... нужно немножко...

Впереди просигнало, и вдруг автобус поехал, набирая скорость. И вскоре они вышли.

Уже виднелся небольшой сквер, несколько тополей и лавки, а посередине фонтан, похожий на металлический таз, в центр которого вкрутили узкую трубу. Летом здесь была тень и прохлада, в клумбе пестрели цветы, а на лавках сидели люди. Сейчас же лишь влажно блестя столбы фонарей, да стая ворон, резко каркая, бродила вокруг фонтана. Сразу за сквером начинался ряд блочных новостроек. Район казался очень обустроенным: в каждом дворе были врыты качели, «гусеница» и пластмассовая горка.

– Я-то живу здесь недавно, – заметил Тимур, – переехали с Речного вокзала, а раньше, говорят, пятиэтажки... Их не осталось почти.

– Знаю, мы с Ниной, моей подругой, гуляли. На той стороне, ближе к кладбищу – есть. Я сейчас к ней зайду... мы еще, может, погуляем.

– Эх, кладбище, – вздохнул Тимур, – философские мысли! Прекрасная горькая жизнь...

На прощание он спросил у Маши адрес электронной почты: «У меня вопрос по конференции будет. Да и так, на всякий случай...»

Небо уже темнело, тяжелые тучи отливали синим, по бетонным стенам текли красные полосы. Дома такие высокие, закат не увидишь, лишь отблеск его, медленное таяние света.

– Ну почему же! – говорила Нина, – если чуть выше – подняться на последние этажи, будет видно. Красивая панорама. Закат над крышами. Да мы посмотрим, хочешь?!

Нина уже давно ждала, и вышла встречать на лестничную площадку. В халате с розовым пояском и в шлепанцах на босу ногу. Она стояла, чуть улыбаясь, ее белые крашенные волосы, точно пена, спадали на узкие плечи.

Прошел возраст, когда они играли в куклы или лепили из пластилина сказочных зверей. Но в комнате Нины ничего не изменилось, все так же, на подоконнике, росла тонкая финиковая пальма, а на письменном столе, в банке, стояли фломастеры.

«Это судьба! – расширив глаза, торжественно произнесла Нина, когда Маша рассказала о необычной встрече в автобусе, – вот увидишь!» Она включила радио и, привстав на цыпочки, стала танцевать. «Тум-тум-тум» – звенела мелодия, будто монеты сыпались.

– Не хочу, – ответила Маша и отвернулась. На душе было грустно. Таял снег, сумерки опустились в город...

3.

Шаги на лестнице стихли. Где-то рядом зудяще сверлили стену. Так поздно! Маша вернулась в комнату и, забравшись в кресло, полистала книгу, которую сегодня подарила Нина. Красивая мелованная бумага, на каждой странице рисунок: розы, девушки с золотыми косами, печальные прекрасные дали и домики в одно крылечко. Слева от картинки крупными, вьющимися буквами стихи напечатаны, по стихотворению на страницу. «Я любил, я так любил, а вы...» Смущало. Весь сборник был о любви, на самые разные лады поэты с тоскливой терпеливостью перебирали одну и ту же, одну и ту же струну. Она отзывалась то мягче, то строже, то вдруг с яростной мольбой и проклятием – от силы прикосновения зависело звучание. Но все же – и тут ничего не поделаешь – то была всего лишь одна-единственная струна. Как странно – стелать о несбыточном, признаваться в собственной слабости или слащаво воспевать невозможное счастье. Ей думалось, существовала во всем этом какая-то тонкая, едва уловимая, фальшь. Ну, любовь. Ну и что? Приятно, конечно, с Тимуром идти по шумной улице, приятно рассуждать про современную историю, спорить, смеяться. Еще лучше пить у него на даче, на террасе, чай с клубникой. Но в жизни есть много и другого. И, кроме того, счастье – не только в розах с облаками.

Маша встала на табуретку и убрала книгу на дальнюю, верхнюю, полку. Заштормила окно. Включила настольную лампу. Ее комната была обычная, даже стандартная. Впрочем, а что тут еще можно придумать. Кровать у стены, книжный шкаф, письменный стол с компьютером, кресло в углу. Круглый, узорчатый, коврик на полу.

Но сегодня, в день рождения, посередине комнаты – еще стул, пиала с ванильным зефиром и конфетами, на кровати – аккордеон. Как все-таки душевно они пели, и конца, казалось, не будет наигрышам. Только Тимур немного скучал. Он мало знал песен и вообще не пел. Он бродил вокруг шкафа и рассматривал книги.

Потом на кухне пили вино, заедая голландским сыром. Коля высунулся в окно: «Какое поле!». Он утверждал: «Если за окном – поле и цветы, жизнь становится еще прекраснее».

– Но там все вытоптано, – ответила Маша, – и кроме крапивы-полыни ничего не растет. А вон широкая тропинка. По ней гуляют с собаками.

– А за пустырем – другой район?

– Да, уже другой.

– С днем рождения! – провозгласила сокурсница с института Таня. – Желаю успехов и... любви.

День рождения. Сегодня Маше исполнилось девятнадцать. И теперь, когда она осталась одна, было пустынно, и монотонно капали минутами старинные часы на стене. Она помнила их столько, сколько себя. Менялись квартиры. Мысли. Умерла бело-рыжая кошка Мурка. А часы все шли, из года в год, по кругу.

Маша упала спиной на кровать и лежала, раскинув руки. Вслушивалась в ночные звуки за окном, где-то далеко пролаял пес. На душе стало мирно, она закрыла глаза. Девятнадцать лет...

Жаркое и яркое, словно спелый мандарин, московское лето... Тимур отдыхать не уехал, он работал в туристическом агентстве заместителем директора и одновременно писал заключение к своей диссертации «Роль союза «и» в творчестве Льва Толстого». «Часто именно в мелочах содержится ключ к миропониманию», – любил говорить он. И добавлял: «Толстой мне, правда, теперь как мозоль. Опротивел вконец». Работал Тимур без перерыва: к девяти утра спешил на фирму, поздно вечером возвращался и включал компьютер, чтобы выверять, еще раз переделывать некоторые главы. На подоконнике, и на полу, и на столе – горы книг. И

все в закладках, исчерканные карандашом. Его трудолюбию можно было удивляться. Маша, напротив, в июне сдала последний экзамен за второй курс и теперь отдыхала. Проснувшись к двенадцати, неспешно завтракала. Жевала поджаренный бутерброд, читая журнал с последними новостями культуры и политики. Около четырех, устроившись в кресле, смотрела черно-белые детективные фильмы. Наконец, ближе к вечеру, отправлялась в ближайший парк на прогулку с Ниной и с Чарликом, пуделем Анны Петровны. Пудель деловито семенил впереди, они с Ниной шли под руку и разговаривали. Приятно веяло легкой прохладой, и тонкий месяц уже прорезался в бледнеющем сгустке неба. Что могло быть лучше таких вечеров!..

В субботу Маша каталась с Тимуром на роликах, – к выходным Москва стихала, почти все выезжали на дачи, и на улицах, залитых солнцем, было пустынно. Они ехали по центру, мимо старинных домов и зеленых скверов, мимо фигурных фонтанов и памятников с цветочными клумбами у подножия. Было до того жарко, что прикосновение ветра напоминало тканевый лоскут. Ролики у Маши старые, на бугристом асфальте сильно стучали, но это даже нравилось: асфальт хранил дрожь и биение колес, и раскрывался теперь, точно незнакомая тайная музыка так, что город ощущался почти физически, каждым своим, криво поставленным, крохотным камнем. Тимур летел бесшумно, словно тень. Он боялся упасть и обязательно надевал шлем и наколенники. Еще бы, ведь будущему ученому травма ни к чему.

Сама Маша за все лето упала только раз – слишком резко развернулась, не сбавляя хода. Не так страшно, хоть и стыдно, и кожу на ладонях ободрала, много крови.

Тимур рассказывал про своего бывшего друга – роллера Вавилова, «вот для кого город – своя стихия». Если Вавилону нужно было проехать в метро, он махом перепрыгивал турникет и на второй секунде уже проскакивал все ступени эскалатора. Всего за одну секунду.

– Как? – изумлялась Маша, – это реально?. Ведь всегда по эскалатору кто-то идет, спускается. Или стоит. Не объехать.

Оказалось, Вавилов мчится в пространстве перилл, между светильниками. Понятное дело, дежурные в истерике. Да поймать не успевают – Вавилов сразу в другой конец станции, в поезд – прыг! И был таков.

– Знатный роллер... – повторяет Тимур. – Нет для него непреодолимых ограждений, заборов. Говорит даже: «Могу на крышу забраться и перепрыгивать с дома на дом, с дома на дом,... и так всю Москву!». Но тут уж, правда, ему не верят. Хвалится.

– А почему – интересуется Маши, – как это, бывший друг?

– Да так... Понимаешь, время идет, мы меняемся. У каждого свои интересы. Нам теперь просто не о чем разговаривать. Хотя и не ругались.

– Никогда бы не смогла так...

– Еще бы. Колеса за неделю стираются в порошок.

В конце августа Тимур уехал отдыхать в Испанию, а Маша, неожиданно для себя, устроилась работать в музей русского зарубежья. Про музей узнала случайно: как-то раз решила пройти пешком по району, незнакомому и сильно застроенному. Раньше она проезжала это место на автобусе, фасады старинных домов подступали к самой дороге так, что даже для узкого палисадника не оставалось места. Балконы также выходили на проезжую часть, и Маша на третьем этаже заметила старушку: всегда, в любую погоду, она сидела на мягком стуле и равнодушно смотрела вниз, на бесконечную вереницу машин.

Теперь Маша обошла этот дом и обнаружила, что за ним, во дворе, необыкновенно тихо. Словно и не было той шумной, в клубах дыма, дороги. Здесь росли густые каштаны, стояла скамейка и деревянные качели. В ветвях щебетали серые птицы. И ни души.

Пошла дальше. Вновь сады, двухэтажные потертые дома. На веревке, между столбами, сушится белье. Странно, почему-то здесь не играли дети, и было так пусто, словно никто уж давно и не жил в этих кварталах. Маше чудилось, будто ступает она по кладбищу, воздух был душливо сладок, а в помертвевшем синем небе – ни облачка. Но вот на повороте, за углом,

раздались первые звуки. Дребезг. Рабочие, несколько человек, терпеливо долбили асфальт. «Музыкальный магазин», – прочитала Маша вывеску на ближайшем здании. И открыла входную дверь. В полутемном, узком и длинном помещении на стенах висели самые разные инструменты: барабаны, гитары, скрипки, в дальнем углу стоял прилавок с нотами и рояль, облачно-белый, чудо какое-то. Продавца нигде не было. Маша прошла, полюбовалась на гитары: некоторые из них, с черным грифом и лаковым корпусом, стоили очень дорого. Остановилась, наконец, перед роялем. Ее мечта – научиться хорошо играть, извлекать звуки из этих ровных клавиш! Наполнять ими мир! Разве есть что слаще и сложнее?... Она не удержалась и подняла крышку. Нажала наугад и тут же услышала, как прозвенела хрустально неизвестная нота, прозвенела – и медленно исчезла, растаяла в знойном, неподвижном воздухе.

Как в море ходят корабли, как над высокими скалами стынют сиреневые облака, как свет горячим золотом наряжает городские крыши. Все это слышала Маша. А еще...

– Вы что-нибудь желаете? – за спиной стояла продавщица. Невысокого роста, в черном платье. – Рояль концертный. Полтора миллиона.

– Нет, спасибо... пока вот что.

Маша протянула ноты, сборник пьес для аккордеона.

Только вышла – и словно оказалась в ином мире. Каждый предмет – кора дерева, кирпич, темный фонарный столб – источали жар солнечного дня. Она уже собиралась повернуть обратно, как вдруг заметила напротив «музыкального магазина» желтоватый дом с медной табличкой. Подошла ближе и прочитала: «Здесь родился Иван Волгин. Дом-музей». Увядающая белая роза воткнута в щель, между стеной и табличкой. Над дверью висел колокольчик, Маше захотелось почему-то зайти. Она не знала, кто такой Волгин, а дом казался таким старым и таким уютным! Дощатое крыльцо в несколько ступеней, кисейная занавеска, перетянутая лентой, в раскрытом окне.

В музее одна большая прохладная комната. У стены письменный стол с ящиками, старинное кресло, обитое зеленым бархатом, и шкаф с книгами. Маша не успела посмотреть портреты и фотографии со стены на входе, как к ней подошла пожилая женщина и сообщила: «Эти вещи – не подлинник. Однако, по свидетельству друзей, именно такое кресло было у Ивана Тимофеевича на квартире в Таллине, где его арестовали».

– А стол?

– Стол привезли из Твери. Как говорят очевидцы, за подобным он писал холодной зимой свою последнюю повесть.

– Повесть?

– Даже черновики не осталось. Он не успел издать. Все уничтожено. В журнале «Полевые цветы» сохранился единственный отрывок, опубликованный в первом номере.

Женщина устало вздохнула и присела на стул.

– Почти все уничтожено. Ранние стихи, дневники, рассказы. Только дом вот. В нем Иван Тимофеевич родился.

За окном, за кисейным изгибом занавески, пробежал мягкий ветер, и клен у крыльца чуть дрогнул своими широкими, ярко-зелеными листьями. И вновь все стихло...

– А потом? – спросила Маша, – потом он переехал в Таллин?

– Да, с родителями. Ване три года исполнилось, когда революция случилась. Впрочем, в этом доме он только родился. Отец – сапожник, и они съехали вскоре. Отец сильно пил, пришлось продать комнату.

На стене, под стеклом, висела старая фотография, пожелтевшая с краев. Серьезное лицо, без тени улыбки, и очень живые темные глаза. Казалось, он о чем-то задумался, но одновременно вот-вот заговорит и засмеется.

– За год до расстрела. Последняя фотокарточка, двадцать пять лет... – пояснила Маше сотрудница.

– А это, – она показала на крошечную, размытую фотографию, – дочка Лида. Полтора года.

4.

Прозвенел будильник, Маша, привстав на локте, отключила и вновь легла, натянув одеяло до подбородка. Сон заглывал обратно, словно омут. Что случилось? Ах, да, день рождения, вчера праздновали день рождения. Тимур подарил картонный конверт для фотографий, Нина – красочную книгу со скорбными стихами, Таня – коробку конфет, а Коля – друг детства – хрустальную вазу и пять белых роз. Уж его подарок всех поразил. Ваза сверкала, точно снег под солнцем, на вершине гор. «Сразу видно, этот Коля – мот, – сообщил тихонько Тимур, – уж куда лучше приберечь деньги, а не бросать их на всякие подарки. Ведь потом можно купить что-нибудь нужное». Пели песни, дурачились, пытались сыграть на кухне в футбол и чуть не разбили сахарницу. Мяч залетел прямо в торт. Конечно, стоит быть серьезнее и степеннее. Но кто же, кто знал, что так получится...

– Я догадывался, – признался Тимур, – поэтому и не участвовал.

Бедный Тимур. Тем временем он смотрел документальный фильм про овцеводство в Англии. Так странно и трогательно: но его совершенно не интересовали футбол, рыбалка и пиво. «Рыбалка – скучно. Футбол – слишком азартно. А пиво – вредно», – лаконично пояснил он. И Маша понимала: «Да, Тимур – лучший, читает классику, много думает и много работает; он приветлив, бережлив и любознателен. Какое счастье – встретить такого человека!»

К Новому году, в конце декабря, у них будет свадьба, Тимур, перед недельным отъездом в Испанию, подарил ей позолоченное колечко, при этом сказал: «вот так, позволь стать мне твоим мужем». Звучало несколько вычурно и театрално, но Маша растрогалась и не знала, что ответить. Сказать просто: «я согласна», или «я подумую», или же... Но оказалось, ответ и не требовался.

– Не забывай! – шутила после Маша, – я ведь не сказала «да».

– Да я, – перебивал Тимур, – посмотрел в твои глаза – и понял все. Понял без слов.

Их дружеские отношения приобрели с тех пор какой-то новый, доверительный, оттенок. Теперь Тимур звонил очень часто, несколько раз в день, а вечером, если они не встречались, он отправлял по электронной почте небольшое письмо и рассказывал про свои дела.

Еще в августе он познакомил Машу со своими родителями. Словно из добротного советского фильма, родители выглядели в меру молодо и в меру почтенно, они были одинакового роста и, кажется, до сих пор любили друг друга.

– Тимур, принеси еще один стульчик, – хлопотала, не переставая улыбаться, мама – Ольга Викторовна, – у меня шарлотка, сейчас остану из духовки.

Стол накрыли в большой комнате, Маша села рядом с Тимуром на диван, застеленный клетчатым, мохнатым покрывалом.

Разговор шел на общие, отдаленные темы: про погоду, «какое жаркое лето!» и про городскую политику «совсем Москву застраивают!». Ольга Викторовна слащаво улыбалась, даже когда говорила. Каким-то удивительным образом слова образовывались из полумесяца улыбки, а взгляд оставался внимательным и печальным. И от этого несоответствия Маша ощущала смутную тревогу.

– Да, Маша-то, кстати, в таком доме работает, – сказал Тимур, – мам, у дома дощатое крыльцо. До сих пор! Представляешь? И это в самом центре Москвы!

– Неужели? – удивилась Ольга Викторовна. – Трудно представить, для Москвы это редкость.

– И, конечно, вот-вот – здание обещают снести.

– На этом месте хотят поставить гаражи, – пояснила Маша, – и бензоколонку. Рядом большая дорога, а дома уже такие старые. Жить в них опасно. Бензоколонка, говорят, была бы востребована.

– Ну и ну... вот она, политика. Волгин... Я не слышала о таком писателе.

– В России он мало известен. Только после девяностых первые публикации. Я ведь и сама не знала раньше.

– Нужно-нужно как-то оповещать, рассказывать!

– А как? – задумалась Маша. – Вот афиши мне дали. Волгин жил в Таллине, его расстреляли в сорок первом, когда Эстония вошла в состав Союза.

– Почему же? – удивилась мама Тимура, будто вообще о таких вещах никогда не слышала. – За что?

– Он был одним из организаторов молодежного литературного объединения. У них была большая православная община, встречались в храме на службе, читали Евангелие, проводили литературные вечера, ставили пьесы. А теперь музей, единственный в России... – и Маша замолчала. Она вспомнила, что дома, в ящике стола, лежит десяток афиш, обещала ведь развесить где-нибудь, раздать друзьям, и... забыла. Лишь в своем институте передала через старосту на доску объявлений в соседний корпус. Наверное, там прикрепили. Хотя бы там.

– Ну вот... – Тимур не любил долго разговаривать на грустные темы, – а еще – белый кролик. У Маши живет кролик. Зверь. Я посмотрел – он ест и спит. Ноль понимания, каких-то мыслей. Полный ноль.

– Да, – согласилась Ольга Викторовна, – рыбы тоже безмолвны.

– Они хранят тайну. – Вставил свое первое слово Борис Борисович, папа Тимура.

Он сосредоточенно, запивая чаем, жевал шарлотку. И больше за вечер ничего не сказал.

С тех пор как Маша познакомилась с его родителями – брак предстал неизбежной определенностью, неясные и смутные ожидания, похожие на призрак, обросли конкретной формой. Да, они будут жить с родителями Тимура, в отдельной комнате, окна которой выходят на солнечную сторону. Это очень хорошо. Можно будет отказаться от съемной квартиры. «Немного поэкономить», как сказал Тимур. А летом погостить у родни Маши, в Суздале. «Мне так же, – добавил он еще, – хочется познакомиться и с твоей мамой. Как только она вернется из экспедиции – мы устроим настоящий праздник».

Странно, но Машу это не радовало. Все чаще она погружалась в какую-то печальную задумчивость. Раньше она просыпалась минут за десять до будильника, быстро вставала и собиралась в институт, на первую лекцию. Сколько радости было в утреннем прохладном воздухе! Иногда, перед завтраком, она успевала потанцевать, кружась по комнате и скидывая над головой руки. Маша чувствовала необъяснимое счастье, пусть это и глупо – прыгать под «La rokk». Теперь, напротив, она вставала не сразу, некоторое время лежала, вспоминая прошедший день. Иногда ей хотелось подумать о чем-то еще, и она представляла людей, давно ушедших из жизни, представляла лес и серебряный ручей, и длинные палки, которые неслись необратимо вниз по течению.

Сегодня, сентябрьским теплым днем, ей остро вспомнился первый снег. Она, еще совсем маленькая, выходит из подъезда, а кругом, куда ни взгляни – белым-белом... Вчера здесь было темно, мрачно. Черные провалы вместо цветных предметов: и стволы деревьев, и дальний забор, и дом напротив – все отливало слизкой серостью. Коричневые лужи, в которые она, присев на корточки, пускала газетный кораблик. Безветренное и бледное, словно кожа покойника, небо...

И вот, только за одну, единственную, ночь... Маша проводит пальцем по ветке куста, хрустально ледяного. А в воздухе морозном словно легкий перезвон стоит, и снег такой чистый, жалко по нему идти.

5.

На первую пару Маша все-таки опоздала. «До чего доводят мечтания. Первый снег, первый снег, – передразнила себя, – как снег на голову». Уже минут двадцать шла лекции по истории литературы 20 века, читал Лукомский, он недовольно посмотрел, оглянулся, как скрипнула дверь, но ничего не сказал. Таня подняла голову и чуть махнула рукой. Маша пробралась к последнему ряду и села рядом с ней.

– Чего, – спросила Таня, – проспала?

– Ну да...

– А вчера, – Таня зевнула, – было круто. Мяч понравился. Как он в торт – ширк.

Она еще раз зевнула и легла на парту. На первой лекции обычно все спали, и Маша тоже достала из рюкзака цветной шарф. Положила, свернув пополам, под щеку и закрыла глаза. Белыми точками метался снег.

Монотонно зарождался день. Новый. Такой же, как и прошлый.

Как всегда, после второй пары они побежали с Таней в ближайший Макдоналдс, пили горячий безвкусный чай. После третьей вышли постоять на крыльцо. «Дышать свежим воздухом», – как говорила Таня.

Как всегда, мимо проковылял Санчо – единственный парень на курсе. Раньше двенадцати утра он никогда не появлялся в институте. Санчо покосился на Машу и кисло улыбнулся.

– Привет! – кивнула Таня, – ты чего такой?

– А какой? – он остановился и достал из кармана сигарету. Помял немного в руках и сунул обратно.

– Да так, ... такой.

– Ну, а чего бы мне не быть таким?! – и он пошел дальше, не дожидаясь ответа.

– Вот странный! – хихикнула Таня. – По всему видно, наркотиками обдолбался.

– Да ну... – Маша не верила, – просто характер.

Санчо имел очень странную, чуть пританцовывающую походку, словно одна нога у него была короче другой. А когда с кем-то разговаривал, переминался и тер свои крупные, потные ладони. При этом посматривал с плохо скрытым высокомерием, прищурив и без того маленькие голубые глазки. «Паровозы», – так называл он всех студентов.

– Просто так, – строго ответила Таня, – запомни, ничего не бывает.

В два часа, на перемене, позвонил Тимур. Он спросил шутливо: «Твои успехи?». И Маша ответила: «Отлично!». Как всегда ...

Даже дождь, и тот не стал исключением из правил. Как только закончилась последняя лекция, и Маша вышла из института – на город обрушился сильный и холодный ливень. Конечно, у нее не было с собой зонта. Пришлось накинуть на голову шарф. И, придерживая концы рукой, перепрыгивая лужи, Маша побежала к автобусной остановке.

До музея можно было доехать и на трамвае, выходить через пять остановок. В ясные дни она любила прогуливаться пешком, район был тихим и старинным. Только ряд дряхлых, девятиэтажных домов, подступающих к самой дороге, мог испортить первое впечатление. В автобусе, полупустом, Маша села ближе к выходу и рассеяно наблюдала, как за пеленой дождя в белесом сгущении воздуха плывет череда окон и балконов, цветочных горшков и белых рам.

На крайнем балконе третьего этажа сидела старушка. Как обычно, только с зонтом.

6.

Это было время сумерек. В небе, меж туч, тлела бледно-розовая дуга, отбрасывая вниз какое-то нездоровое, воспаленное сияние. Золотисто вспыхнули лужи.

Дождь кончился. Когда Маша подходила к музею, со ступеней крыльца поднялся незнакомый человек и, чуть помедлив, сделал шаг навстречу.

– Здравствуйте, – проговорил он, – это вот я, Денис.

«Денис», – странное, незнакомое имя. Маша всмотрелась пристально. Парень, наверное, одних с ней лет, в темно-синей замшевой ветровке и потертых джинсах, высокий и худой. Кажется, она его где-то видела. Коричневые, чуть продолговатые глаза, смотрели спокойно и грустно, а на щеках проступил легкий румянец.

– Я вот звонил на днях...

– Да... – она пытается вспомнить, – да-да. А ведь ступени мокрые? – неожиданно спрашивает.

– Мокрые? Ну... – он улыбается, – ничего страшного. Я пришел раньше, думал, тут большое здание.

– А оно... всего один этаж!

Наклонившись, Маша достает из сумки ключ и открывает дверь.

– Директор с женой уехали на время в Эстонию. Там тоже дела. Они вместе все ведут. И музей, первый в России, открыли.

– Случайно узнал. Недавно...

Они проходят в комнату, пахнет влажной соломой и чем-то забытым. Так букет простых ромашек в банке, засохнув, веет терпко и сладковато в сыром ночном воздухе.

Денис рассматривает портреты и фотографии, а Маша достает из шкафа тетрадь и несколько писем.

– Здесь ксерокопии, а подлинник остался в Эстонии. Письма младшей сестре Пелагее. Много писем было жене, Эльвине. Но они утеряны. Кроме вот этой, короткой, записки.

– Спасибо, а «Дорога» – первая повесть?

– Да, первая. Эта мысль... очень старая, если подумать. Жизнь как дорога. Но свои впечатления... своя интонация внесли новое звучание в эту тему.

– Так всегда бывает... Разве можно открыть что-то принципиально новое? Все уж давно сказано. В мире смерть и любовь. И ты ощущаешь дорогу. Ты странник. Я думаю, когда исчезнет ощущение дороги – исчезнет искусство.

– Еще могу показать черновые наброски... А мне кажется, дорога – это что-то определенное. Настоящая задача литературы – отказаться от всякого рода пути. Из пункта А. в пункт В.

– Игра словами! – перебил Денис, – ощущение дороги – совсем иное, чем траектория, расстояние между двумя точками. Не надо путать. Есть графика и есть метафизика.

Они разговорились. Оказывается, сейчас Денис собирает материал к дипломной работе, а в свободное время ездит в далекие, заброшенные деревни (вот где дорога!) и сочиняет песни. При слове «деревня» Маше представилось широкое поле и пестрые цветы, а где-то вдали – покосившаяся, бревенчатая изба и черный пес у калитки.

– Заметки о творчестве, кстати, – показала Маша небольшую книгу в твердой обложке, – вернее, о творчестве и революции. Как тебе?

Незаметно, они уже перешли на дружеское «ты», а через минут тридцать Денис собрался уходить. Поднял с пола матерчатую сумку, формой напоминающую планшет. Перекинул через плечо.

– Спасибо большое. Мне еще на работу, опаздываю.

«А где ты работаешь?» – хотела спросить Маша, но вовремя сообразила, что расспрашивать, должно быть, невежливо.

– Творчество и советская власть, – продолжил он, – сюжет, конечно, особый. И тут он замолчал.

Стало слышно, как за окном накрапывает дождь. Далеко, растворяясь звуками, гудели машины.

А здесь было тихо и уютно: Маша, дернув за шнур, включила настольную старинную лампу под округлым тканевым колпаком. Лампа отбрасывала, словно свеча, мерное красное сияние. Среди стопок книг, громоздкой, потертой мебели, фотографий и картин, в забытом всеми ветхом доме, погруженном в сумерки и дождь, они стояли в мягком разливе света, и только ветер глухо свистел в трубе.

– Почему? – почти шепотом спросила Маша.

Денис опустил глаза, его волосы, темно-золотистые, стояли чуть торчком: челка небрежно зачесана вбок.

– Так.

Она заметила: губы Дениса дрогнули, словно он хотел сказать что-то еще, важное, и тут он резко отвернулся.

– До свиданья, – и к двери пошел.

– Счастливо! Постой! – Маша вовремя вспомнила. – Кстати, а откуда ты узнал про музей? Через общий каталог?

– А... нет. Да у нас... как объяснить, есть доска объявлений. В институте. И там афиша. Я увидел.

– Как! Так мы в одном учимся?!

– «Институт мирового искусства», я на пятом курсе.

– А факультет?

– Исторический.

– Значит, другой корпус. У меня филологический, а здания-то рядом... вот дела.

– Так странно, – проговорил Денис, – учимся в одном институте, и никогда раньше не встречались.

«Действительно, – пронзила Машу мысль, – как можно было, как можно, не заметить его. Глаза защиты, что ли? Буфет, общий сквер, общая дорога к метро, наконец...»

– Ну, рад. Спасибо тебе за рассказ про Волгина. Мы ведь увидимся еще.

– Да-да, – улыбнувшись, согласилась Маша, – до встречи! Смотри, приду к вам чай пить.

Дождь, усиливаясь, влажным вихрем охватил город так, что небо, казалось, соединилось с землей. Только фонари яркими пятнами проступали сквозь серый туман.

7.

На следующий день, в четверг, занятия начинались со второй пары, а Маша забыла. Проснулась как обычно, в семь утра, наспех позавтракала. Уже запивала куриную котлету холодным компотом – как вдруг неожиданно вспомнила: торопиться некуда, первая лекция на час позже.

Непривычно долгое утро. Потянувшись, она взглянула в окно. Тучи. Серые, безжизненные многоэтажки за пустырем напоминают прутья. Кончилось жаркое лето, будто ткань, богато расшитая, медленно сползало оно с города, с каждым днем все более и более обнажая его настоящее лицо. Деревья стояли еще в листьях, но в кроне появилась первая желтизна. Небо, временами все еще теплое, постепенно теряло свой насыщенный синий цвет. Все чаще набегали дождевые тяжелые тучи, и холодный ветер усиливался. Еще немного – и мир окажется брошенным и обескровленным, доступным любым ветрам. И так будет до первого снега.

Свободный утренний час хотелось продлить, и столько всего успеть, что Маша, растерявшись, не знала, с чего начать. Подаренный лишний час казался вечностью. Она съела еще одну котлету и заварила в бокале пакетик черного чая. Вчера, когда вернулась домой, она так устала, что, искупавшись, сразу легла спать. Даже почту, как обычно, не проверила. Поэтому сейчас, придвинув кресло к столу, Маша села и включила компьютер.

В кратких новостях Яндекса сообщалось, что недавно, всего несколько часов назад, в Китае перевернулся поезд, погибли дети. Националисты пытались провести несанкционированный митинг. Вчера в Москве прошел сильный дождь имеется информация о поваленных деревьях. Школьного учителя обвиняют в изнасиловании двадцати подростков. А знаменитый итальянский модельер разработал новый тип комбинезонов для карликовых собак. «Пуговицы вместо молний», – прочитала Маша. Очень трогательно.

Она щелкнула почтовый ящик. Высветилось два новых письма: от мамы и от Тимура. Мама передавала привет и спрашивала, какая погода сейчас в Москве. «А то в Африке – жара...» Маша тут же подробно ответила. Упомянула даже про поваленные деревья, хоть сама и не видела.

Небольшое письмо Тимура, отправленное вчера ночью, она прочитала медленнее, чем обычно, словно пробуя на вкус каждое слово. «Привет, Машенька! Ну, как ты там. Сегодня я заработался, даже позвонить вечером не успел. Зато сделал отчет и еще переговорил с начальником по поводу зарплаты. А после зашел в центральную библиотеку сдать книги. Библиотекарша, между прочим, сказала, что я единственный читатель, который возвращает книги вовремя. Я удивился и не поверил. А теперь вспоминаю: ведь действительно, за несколько лет я ни разу ничего не задержал. Если не успевал прочитать, то обязательно звонил и продлевал. Странно, что другие не пользуются телефоном. Ведь всегда можно продлить.

Такие вот дела и размышления:))) Завтра я освобожусь пораньше. Давай часов в семь немного погуляем. Вредно столько сидеть за компьютером, а последнее время на работе я почти не отхожу от монитора, все отчеты да отчеты... Нужно больше двигаться. Это полезно.

Целую. Твой Тимур».

Раньше, читая Тимура, Маша воспринимала каждую строку так, словно то было ее собственным, внутренним словом; она могла не соглашаться с чем-то и даже спорить, но по своей скрытой сути, любое противоречие и спор оказывались ничем иным как другой стороной одной и той же общей монеты. Сегодня она прочитала сообщение по-новому. Посторонним, придирчивым взглядом. Так смотрят на других людей, хорошо знакомых, но все еще чужих; приятных, но несколько скучных; любимых, но все-таки...

«Все-таки», – Маша запнулась и потеряла нить своих мыслей.

Тогда она щелкнула «ответить» и набрала в окне первое привычное и душно-бесцветное, как целлофан, «привет!». Дальше предстояло рассказать и про свои дела, про мелкие события. «Как всегда. Вчера ходила в музей, заведующая еще не вернулась, и я сама встречала посетителей. И вот...» Тут Маша остановилась.

«Я вот звонил... на днях... – Помню, помню». И: «Как странно. Раньше мы не встречались».

Долгий и серьезный, будто даже печальный (отчего, почему?) взгляд. Волосы у него густые и светлые, а глаза, напротив, очень темные. Как и брови. Быть может, это сочетание и рождало необычное, обостренное, восприятие? Тонкий и нежный румянец и резко очерченные губы: легкий изгиб посередине, какой свойственен обычно людям решительного характера. Голос низкий и мягкий, но хладнокровный, без вкрадчивых нот. А в том, как склоняет он голову и на мгновение хмурится, ощущается неуверенность и сомнение. Ей казалось, Денис весь состоял из противоречий и полутонов. И трагичности. В самом сочетании несовместимого.

И учатся они в одном институте. Вот так встреча. А как же она себя вела? Маша припомнила. Совершенно открыто, как полная дура. Смотрела и улыбалась. Услужливо показывала фотографии, говорила безумолку. Легковесно спорила, быстро соглашаясь. В конце концов, пообещала зайти на большой перемене к нему в корпус, чаю попить. Да никогда! С чего бы это. «Стану я ходить в ваш буфет, щаз. Делать мне нечего», – сказала себе Маша, усмехнувшись. Тут вот Тимур, милый, трудолюбивый, работает и читает, и зовет погулять. Ведь это полезно. И ждет- не дождетсЯ ответа.

Она взглянула на монитор и, выделив, стерла фразу «И вот...» Чуть подумав, удалила и все остальное предложение про музей. Потом повела плечом и ответила, торопливо и кратко: «Нет, Тимур. Сегодня гулять не пойдем, не получится».

Отправила. Настроение стало хорошим. Хотелось петь, и отдыхать, и что-нибудь совершить такое, необыкновенное. Почему бы, например, не навести в комнате блестящий порядок. Рассадить цветы кругом, розы и нежные азалии. Аквариум с золотыми рыбками на стол. Купить торшер: витая ножка под атласным колоколом плафона. Дивный красноватый свет по вечерам... А на диван – расшитые узором подушки. Да, именно так. Пирамида из подушек, от больших к маленьким, и на каждой – свой пейзаж-крестик нитками мулине.

А пока, пока, сейчас, для начала... Маша встала и, сжав ладони, окинула взглядом свою невзрачную и стандартную комнату. Часы. Стрелки показывали десятый час. Выходить через пять минут!

Вот дела... «И как могло так быстро время пролететь, – расстроилась Маша, – всего-то, два письма. И кратко...» Но ничего не оставалось, как только быстро собраться и, схватив рюкзак, бежать в институт.

Она раскрыла шкаф и задумалась. Чего бы одеть. С вечера были заготовлены брюки и к ним бежевая кофта с жилеткой в мелкую полоску. Но сейчас настроение изменилось и хотелось одеть что-то другое, только она не могла понять – что же именно. Наконец, выбрала сиреневое шерстяное платье по колено. Одно из любимых по фасону: чуть выше талии, под грудью, платье присборивалось, а дальше, вниз, падало свободными складками.

Потом Маша нашла свои лакированные туфли на плоской подошве, похожие на балетки, с лентой вместо ремешка. Она долго расчесывала перед зеркалом волосы и оставила их распущенными. Наконец, захватила шерстяной платок, сложенный треугольником, с крупными серыми цветами. На всякий случай. Если будет холодно – накинуть на плечи.

И вышла в пасмурное сырое утро.

8.

Ни днем ни ночью не было покоя во Вселенной. Огромным, огненным колесом вращалось солнце, а в городах бесцветно сияли по ночам стальные прожектора.

Электричество – великое и первое, должно быть, благо. С тех пор, как над крышами повисли провода, исчезла тьма, исчез пугающий гул пустоты бескрайнего неба. Прошлые века захлопнулись, словно двери от сильного сквозняка. И мы, люди современной эпохи, жители многолюдного теплого города, оказались в новом мире; мы живем с веселой улыбкой на сухих, крепко сжатых губах. Мы не тешим себя надеждой, тщетными иллюзиями будущего счастья. Мы не верим в прогресс, не верим в смысл истории и какие-то там будто неслучайные, связанные друг с другом, закономерности. Полноте. Даже смешно. Вы хотели как лучше? Ах, да, вы веками воздвигали великую стену, пустили на кирпичи все лучшее, свои благие намерения, трогательные и страстные, такие благородные призывы равенства и свободы?! Что ж. Стена рухнула. Не удержали ее ни танки, ни пули, ни пытки...

И каждый кирпич, каждый маленький и ровный кирпичик вашей доброй славной мысли оказался в могиле. В простом холме без креста. Забытом всеми.

И сколько таких могил в лесах и лугах, на окраинах больших городов, на берегах пустынных озер, под бесконечно палящей мельницей солнца.

Впиталась давно в землю кровь. Выросли полевые цветочки. Девушки, играя, плетут из них венки. Плачут и смеются, и только там, глубоко под землей – все по-прежнему. Глухо.

Довольно.

Вы хотели свободы? Мы свободны. А, значит, счастливы, не так ли? Мы все равны. Слушаем одни и те же новости и пьем по утрам один и тот же бодрящий напиток. Одинаковые машины развозят нас в офисы на работу. Президент с трибуны отчитывается перед нами за бюджетные и прочие расходы великой страны. Он не посмеет повысить свой ровный и спокойный, будто кафельная плитка, голос. Он знает, жизнь его зависит от угрюмо-довольного причмокивания молчаливого, безгласного большинства. И он будет стараться. Да, каждый будет свободен и счастлив. Прежде всего. У каждого будет собственная кровать и тумбочка с телевизором.

Все мы живем в разряженном воздухе катастрофы и благополучия; сумерки смерти окутали город, и похоронный звон доносится из каждого незамурованного сердца. Но в топкой бездне чужих глаз вы не увидите ничего, кроме молчания.

9.

После дождя асфальт просох. Выглянуло солнце, и стало ясно: лето ушло окончательно, безвозвратно; в прохладных лучах, сверкающих над крышами, зрел неуловимый, прозрачно-белый разлив, тот самый особый, стоячий, почти осязаемый свет, свойственный ясным дням сентября и октября.

Сквозь широкие, в полстены, окна Макдоналдса была видна шумная мостовая, по которой туда-сюда сновали деловые сосредоточенные люди, а вдалеке, за дорогой, высился ровный ряд подстриженных деревьев. Желтоватые шары крон под ясным синим небом.

Таня с подносом пробралась к крайнему столику перед окном. Маша еле успевала за ней. В этот обеденный час свободных мест почти нет, и нужно было торопиться, если заметил, что где-то человек вот-вот собирается встать и уйти.

Сегодня в Макдоналдс с ними за компанию отправился и Санчо. Он-то и следил, чтобы вовремя найти свободный стол. «Не суетись, – заметила Таня, – если что, мы всегда можем пойти на лавку. На улицу. Под деревьями даже лучше».

Гремела какая-то невнятная музыка, похожая на сухой перебор щепок, все рассыпалось и мельчило, и не существовало: каждый звук мелодии пропадал, сменялся другим, новым, а другой, в свою очередь, так же бесцельно и бессмысленно проваливался, исчезая, в общем шорохе. Быть может, именно от этого Маша ощущала тревогу. Она плохо слушала, о чем разговаривали Таня и Санчо.

Таня вчера коротко постриглась под мальчика. Теперь ее глаза, подведенные тушью, казались еще больше, а тонкий, чуть вздернутый нос и мелкие веснушки на скулах придавали лицу выражение какой-то веселой и грубой детскости.

– Нет, ну а что... – продолжил Санчо, – что в этом такого. Хочу я сказать.

Вздвигнув, Маша поймала себя на том, что не знает, о чем только что шла речь. Перед ней стоял пластиковый стакан с дешевым чаем и чизбургер, какой брала она каждый день. Она еще не сделала и одного глотка, хотя сидели они уже минут десять.

– Ха-ха, – лаконично ответила Таня, – Ты, Санчо, жжешь. Вот Маша согласится.

– А?

– Так и так, – Таня не слушала, – ты не прав, по любому. Лукомский – сухарь, ясно всякому. Чего плетешь про пятую жену! С крыши свалился. Да кто с ним согласится. Какая женщина, хочу я сказать. Да с таким в кровать – только под общим наркозом.

– Хмы, – расплылся в широкой улыбке Санчо, – а факт есть факт. Лукомский собирается жениться в пятый раз. На студентке филфака второго курса.

Маша, вздохнув, подняла горячий стакан и поднесла к губам, но, не притронувшись, тут же поставила на место. Она поняла, что не может есть. И не сможет. Ее тошнило только от одного вида этого чизбургера, завернутого в бумагу. Этого бледно-обмяклого сырного месива в кунжутных семечках.

Кончики ее пальцев похолодели, на лбу выступил пот. Ей было жарко и холодно одновременно.

– Знала бы ты, – отпарировал Санчо, – психологию второкурсниц. Да за «отлично» на экзамене они... они готовы на все.

– А вот и нет!

– Все не веришь? Ее фамилия Тюрина. Вот посмотрим. Увидишь.

Таня и Санчо продолжали, колко подхихикивая, бесконечно обсуждать подробности интимной жизни преподавателя литературы Бориса Витальевича Лукомского. Хотя бы иногда посещать его скучные лекции, Санчо не видел смысла. «Слишком тихо говорит. А потом –

первая пара...» Зато личная жизнь Лукомского, этого пожилого тучного человека, страдающего одышкой, вызывала острый интерес.

В проходах двигались люди. Одни вставали, другие садились, а музыка продолжала отслаивать в пустоту звук за звуком, и деревья ярко желтели за окном.

– Таня, Тань, – проговорила Маша, стараясь улыбнуться, – я пойду, пожалуй. Вы тут это...

– Что? Чизбургер доешь! – прозвенел, будто из другого измерения голос Тани.

– Времени еще пять минут... – добавил кто-то рядом, и Маша, сделав усилие, рассмотрела Санчо.

Санчо медленно ковырял пластмассовой вилкой куриный салат. Его нижняя губа была вымазана кетчупом.

Когда Маша потянулась к сумке, он неожиданно перестал жевать, уставившись на ее руку так, словно собирался прыгнуть и только замер на мгновение.

– Ты че?.. – пробормотал.

– До встречи, – ответила Маша и побежала к выходу.

Пять минут. Всего пять минут! Институт, правда, недалеко – дорогу перейти и еще обогнуть один дом, завернуть за него, и подняться на лифте на четвертый этаж, и успеть пройти длинный коридор, успеть, успеть... Господи.

Она бежала, обгоняя прохожих. Ветер дул в лицо. Она не стала ждать, стоять на светофоре, и бросилась вперед, на красный, какая-то машина, резко затормозив, громко просигналила.

Бетонное высокое здание института. На четвертом этаже Маша сбавила шаг; к ней вернулось удивительное спокойствие и уверенность. Теперь она не боялась опоздать, с интересом смотрела по сторонам: редко тут бывала, а, может быть, и никогда раньше. В середине коридора от окна падал ровный квадрат света. Казалось, пол покрыт тончайшим слоем золотого песка. Под окном стояла узкая скамейка, и несколько картин, написанных бледной пастелью, висело на стене рядом с доской объявлений. Маша задержалась и поискала взглядом свою афишу про музей. Афиши не было, толи сняли ее, толи давно уже заклеили театральными анонсами и рекламой пиццы, которую якобы «доставят горячей прямо в аудиторию».

Наконец, она приблизилась к буфету – самый конец коридора – и, повернув ручку, толкнула дверь.

До звонка оставалось минуты две. Полутемная душная комната, деревянные круглые столы и металлические стулья с рифлеными спинками, формой напоминающие арфу. Пахло кашей, и чем-то еще, горечью полыни. Маша увидела его сразу: Денис был один, за крайним столом, и уже допивал свой чай.

Тогда она подошла и села рядом, на свободный стул.

– Привет.

Он не удивился.

– Привет, – посмотрел и тут же опустил глаза. – Что так поздно? Уже звонок...

– Еще минута, да я быстро, только чай...

– Пойдем, я возьму. Какой?

– Не надо, – ответила Маша. – Я сама. – И тут же добавила: Любой.

Но Денис уже стоял перед прилавком.

Потом он вернулся и сел напротив, вокруг было тихо и темно, словно наступила ночь. Все студенты, наверное, уже ушли на пары. Денис посмотрел на часы.

– Как дела? – спросила Маша.

– А, да нормально.

Пили чай они молча, несколько мгновений. Обжигая губы, Маша залпом выпила до дна, и никогда еще этот слабый и безвкусный зеленый чай из студенческой столовой не казался ей

таким вкусным. Никогда еще минута не длилась так долго и так звеняще-бесконечно, словно игла, пронзающая вечность.

Потом они встали и вместе вышли, и коротко попрощались на лестнице.

«Мне наверх», – сказал Денис, а Маша поспешила в соседний корпус. Лекцию по литературе вновь вел Лукомский. Он стоял перед кафедрой, читая свою новую аналитическую статью, и оглянулся, когда скрипнула дверь.

– Извините, – пробормотала Маша, а Таня с дальнего ряда махнула рукой.

– Пушкин – гениальный поэт русской культуры, – продолжил Лукомский, – его стихи про осень пронизаны тонким лиризмом, а также...

– Куда ты пропала! – тут же спросила Таня. Она полулежала на парте, подложив ладонь под щеку, и штриховала поля тетрадки: клетки – одну через одну, наискосок. Вид у нее был очень довольный.

– Да так, – ответила Маша, – просто так.

– Мм... – кивнула головой Таня, – понятно. Ты, кстати, хорошо сегодня выглядишь».

– Романтическое описание пейзажа... – прорвался голос Лукомского, – скажи-ка, дядя, ведь не даром!..

– Я вот что думаю. Слушаю и думаю. Доля правды в словах Санчо, возможно, и есть. Нет дыма без огня.

– Ты про что? – не поняла Маша.

– Да про Лукомского! – и Таня, перевернув тетрадную страницу, зевнула.

Это была последняя, четвертая, пара.

– А в следующий раз мы продолжим изучать поэзию гениев, поэзию Пушкина и... – торжественно завершал Борис Витальевич, его уже давно никто не слушал.

– Кого-кого поэзию? – заулыбалась Таня, – а мне слышалось, хи-хи, геев.

– Ну, Тааань...

Оглушительным взрывом звонка закончился урок.

После этой лекции Маша, попрощавшись со всеми, заглянула в библиотеку, спросила сборник стихов Николая Гумилева, давно хотелось почитать. Когда она спускалась с крыльца, Денис стоял во дворе, между корпусами, и курил.

До метро они шли вместе.

10.

Маше приснился пустырь. Тот самый, что за окном; сразу за гаражами – дикие травы и мелкие желтые цветы, и мусор, битое стекло и банки из-под пепси. Прекрасное русское поле под небом, перечеркнутым изгибом проводов. Она шла с друзьями и родственниками, рядом с Лешей, и было весело, очень шумно, и огни далеких многоэтажек сияли, словно звезды. Но неожиданно она осталась одна. Совсем одна. Отвлеклась, засмотрелась на цветы, на рыхлые всплески лепестков, на разрез темно-зеленых высоких трав. Не заметила, как все ушли вперед, в пустоту ночных фонарей. Стихли смех и голоса.

Тогда она побежала, раздвигая траву руками. Но пустырь не кончался. Вокруг, насколько хватало взгляда, было одно поле. Задыхаясь, она стала тонуть в его бескрайности и безмолвии. И тут закричала. Но никто не услышал. Голос растворился, точно древний прах во вскрытой гробнице, на глазах истаял; в единый миг богатство одеяний, строгое высокое чело и закрытые глаза, сжатые пальцы, перстни, расшитые ткани – все обратилось в ничто. Сухой пылью рассыпалось. В ничто обращалась и сама Маша, она бежала, выбиваясь из сил, и ставалась на одном и том же месте. Наконец, она упала. Черное, без единой звезды, небо, глухое, словно кирпичная стена.

Проснулась. С удивлением посмотрела вокруг. Седьмой час. Как странно, никогда раньше, вернувшись из института, не засыпала. Раскрытая книга лежала на подушке. Ах, да, хотела ведь почитать. Тимур принес сборник, лирические сказки. «Это новый жанр, – говорит, – нашей современности».

Маша встала и подошла к окну. Вот он, этот пугающий пустырь. Место для пикников и пьянок желающих где-нибудь уединиться беззаботных горожан. Место драк и неизвестных могил. Сорных цветов и густой крапивы.

На душе стало легко и радостно. Странный сон, словно грозовая туча, растворился бесследно в ясном и солнечном дне.

Внизу, на пустыре, в этот час никого не было, только ветер шевелил травы.

Что-то сегодня случилось... Вроде бы ничего особенного. Все как обычно. И тут Маша осознала, до острой боли внутри. Как могла она раньше, в каком ослеплении не понимать этого? Вернее, не желать понять.

Она заплакала, закрыв лицо ладонями. Она была счастлива.

11.

Говорят, любовь рождается лишь во взаимном влечении. Любовь возвышает, наполняет жизнь смыслом. Веселит, словно сладкое вино, делает печальный наш мир лучше и вдохновеннее. Все это неправда.

Любовь не только лишает жизнь всякого смысла, но и уничтожает, словно молния, до корня выжигает человека. Сама смерть существует только благодаря любви. И нет ничего более великого и неповторимого, чем таинственное и страшное их единство.

Теперь Маша понимала, видела ясно: конечно, задолго еще до встречи Денис жил в ней, ждал своего часа. Она совсем не думала и не мечтала о нем. И все же, с самого первого мгновения жизни разве не он всегда невидимо был рядом? Ощущался в размытых сумерках, в тихих дворах, за темными окнами нежилых квартир. Он присутствовал в тревожном струении весеннего воздуха, в грусти посреди школьного праздника, в одиночестве на многолюдной улице среди шумной и безликой толпы.

Маше захотелось что-нибудь сделать, яркое и громкое, ознаменовать конец прошлого и дивное рождение нового, новой жизни. Прыгнуть из окна, обнять первого встречного, собрать в рюкзак вещи – пару теплых кофт и кофе в термосе – и уйти ближе к ночи далеко за город, куда глаза глядят.

Вместо этого она заглянула на кухню и, открыв клетку, достала кролика. Прижала его к себе, теплого, облачно-вялого. Задрожав всем телом, кролик брыкнулся и вырвался из рук. Забился в угол под стол и сидел теперь, настороженно-враждебно двигая черным носом. «Ну и ну!» – засмеялась Маша, она смеялась так долго, что закружилась голова. Комната плыла акварельной декорацией, растекалась красками и бледнела, теряя очертания. Не глядя, Маша схватила со стола чашку и швырнула ее в стену. Брызг осколков. Острый звон пронзил воздух. И все стихло.

Она сидела на полу, подобрал ноги. В подоле юбки лежал мобильный телефон, и матовый экран то вспыхивал желтовато, то гас. Телефон бесшумно пульсировал, кто-то звонил. Тимур.

Пожалуй, можно теперь поговорить и с ним. Лучше сейчас, чем потом. Лучше сейчас.

– Але?

– Милая, привет.

Неожиданно она растерялась. Голос Тимура, такой спокойный и доброжелательный, «а ведь он ничего еще не знает, не догадывается», смутил ее.

– Как у тебя дела?

– Дела? Дела... да все хорошо.

– Правда? А я уж думал, случилось что. Ты так кратко ответила на мое письмо.

Внутри Маши все перевернулось, она и не представляла, насколько противен ей этот человек, его маленькие глаза, разбавленные легкой желтизной; не коричневые – а неприятно-глинистые, точно дождевой сгусток в песчаной лунке. Квадрат его очков. Его аккуратные, выющиеся волосы, его уверенный и тихий смех. Не смех – смешок. И вся его жизнь, наполненная работой и книгами, путешествиями и мирным семейным укладом, когда мама готовит обед, а папа, провалившись в глубокое кресло, смотрит новости по первому каналу. В нем не было ничего плохого. И в нем не было ничего хорошего. И от этого сердце Маши наполнял ужас.

– А почему ты не хочешь сегодня погулять? Я могу подъехать к твоему дому...

Еще и гулять с ним?! Да ни за что! После того, что случилось – видеть его, идти рядом, и разговаривать, разговаривать... Что может быть невыносимее?

И Маша ответила, собравшись с силами и не дрогнув голосом:

– А давай... Пройдемся. Я немного устала, но это даже хорошо.

– Отлично. Погода, кстати, теплая...

И они попрощались. А минут через сорок уже шли по городу, вдоль бесконечного кирпичного забора.

Как обычно, Маша держала его под руку; вскоре совсем стемнело, и закрапал мелкий холодный дождь, тогда Тимур достал зонт и, щелкнув кнопку, раскрыл его.

– Твои ботинки, Маш, – как, не промокнули?

– Ой, да вряд ли.

– Не думал, что начнется дождь. Небо такое ясное... С чего бы...

– А так всегда, Тимур. Так всегда и бывает.

– Ну... не знаю.

Полутемными дворами они вышли к Головинским прудам и остановились на выгнутом деревянном мосту, похожем на сказочную дугу. Отсюда открывался красивый вид на город, многоэтажные дома на другой стороне казались чем-то далеким и нереальным. Ярко-желтые огни медленно плыли, дробными пятнами отражаясь в темной воде.

– Цивилизация... – вздохнул Тимур. Что ни говори, а каждый отдельный дом походил в вечерний час на застывший салют.

Здесь же, на этой стороне, был грязный сосновый лес, тяжелый запах мокрой хвои мешался с тонким привкусом бензина: шоссе так близко, что слышен мерный гул машин.

Маша подошла ближе и, прижавшись к решетке моста, склонилась.

Теплом и радостью веяло с того берега...

И все ей были дороги, без деления. Этот старый мостик, и темная вода, и незнакомые люди, что живут десятилетиями в тесных квартирах; тихо живут и незаметно умирают, и вот уже другие ходят за их окнами. И только осень беззвучно опадает листьями, и зреет в холодном небе первый снег.

– Пойдем? – спросил Тимур.

– Как здесь красиво... – прошептала Маша.

– А? Да мы же часто здесь бываем. Пруды совсем зарастают, с каждым годом все больше и больше...

Он взял ее за руку, слегка сжал ладонь. Маша не поворачивалась. Сегодня она казалась Тимуру какой-то особенной, совсем маленькой, почти девочкой, под ее глазами появились непонятные серые тени, и черты лица утончились; привстав на цыпочки, она, не двигаясь, смотрела вниз, на мутную рябь воды, и волосы светлыми прядями выбивались из-под капюшона. Хрупкая фигурка на краю моста, среди бушующего дождя. Далекий мерцающий свет другого берега...

Возвращались они поздно. Минут пятнадцать ехали в полупустом тряском автобусе. Маше захотелось спать, и она прижалась виском к стеклу. «Опять завал бумаг на работе, – рассказывал Тимур, – сломался компьютер.

Начальник принес печатную машинку. Откуда только вырыл. Мол, в этом месяце чинить компьютеры финансов не хватает. Хочешь – за свой счет. Ну конечно, только этого мне не хватало...»

«Бедный, – думала Маша, – у него столько огорчений на работе». Она вспомнила, как сегодня в странном порыве швырнула на кухне чашку. Теперь ей было стыдно. Схватила не глядя, и надо же такому случиться – именно подарок Тимура, белую чашку с золотым ободком. Нет ее больше.

И ничего больше нет. Ничего. Впрочем...

– Маш, Маш, выходим, – тронул за руку Тимур, – ты чего, заснула? Выходим.

12.

«Я предчувствую: что-то страшное грядет в мир. Воздух заполняют неведомые шумы; гудят в лесу деревья, непонятно, неясно, таинственно, не так как всегда. День стал темным, а ночи, напротив, посветлели. Вернее сказать так: вечная серость опустилась, поглотив собой и краски восхода и ночное сияние звезд. Вчера в снегу нашел икону. Шел – и вдруг мысль: «Дай-ка копну сугроб». Ну и стал копать, руками разгребаю – нет ничего, почти отчаялся. Тут сверкнуло что-то – я ухватился, вытянул. Икона. Лик Спасителя в медной оправе. Ризы медные, складки четко спадают, а на месте глаз зияют дыры, черные ножевые вырезы.

Сугроб под окнами высокого дома – кто-то с балкона, значит, выбросил. Только кто? Мы же не в России. Кому придет в голову такое?

И тут я почувствовал, который раз, что не уйти и не укрыться мне от давящей скорби неизвестных могил, но не это главное. То, что ожидает нас – еще страшнее, и нет предела страданию. Такие вот мысли рождаются в мирном и счастливом, чистом городе. Из окон музыка лилась, популярная песня «Станцуй, Карин!». А я стоял с поруганной иконой в руках, и страх сжимал мое сердце.

Дома в колыбели спала дочка. Эльвина встретила меня на лестнице со свечой в руке. Я обнял ее за плечи и поцеловал, и кроткий треск свечи, тени, что плыли, изгибаясь, по перилам, успокоили меня, вселяя надежду, бесформенную, точно туман; наш старый дом молчал, из туч проглядывала бледная луна. Мне думалось: «ведь может случиться и так, что будем мы жить. Просто жить ...» Но в глубине души, я все же знал...

На этом месте запись из дневника Волгина обрывалась.

13.

Прохладным и светлым вечером, в начале октября, Маша прогуливалась во дворе института. Уроки уже закончились, и вокруг почти никого не было. Она присела на лавку и достала книгу, но читать не хотелось. Тихо падали листья, медленно, один за другим мелькали, словно сплетаясь в непрерывном хороводе. Пора бы уже идти домой, но она знала, что не сможет. Хотелось подумать о чем-то другом, а мысли вновь и вновь возвращались к событиям большой перемены вчерашнего дня. Они шли с Денисом по коридору главного корпуса, о чем-то разговаривали. Потом остановились перед лестницей на первом этаже.

Точно, еще Денис положил руку на перила, повернулся к ней и грустно улыбнулся. Ей хотелось спросить, не случилось ли чего. Но на такие вопросы он обычно лишь коротко отвечал: «да все нормально».

Так, приостановившись, они посмотрели друг на друга. С крыльца пробивался яркий свет.

– Есть что-то очень важное, – сказал Денис, – ты знаешь...

В это время громко хлопнула входная дверь, и за спиной послышался тонкий и смутно-знакомый голос:

– Привет!

Санчо! Теряя ладони, он неторопливо подошел и встал рядом. Его лоб блестел от пота, как у человека, который только что пробежал длинную дистанцию.

– Как дела? – с подчеркнутой независимостью, выпятив нижнюю губу, он обращался только к Маше.

Она нахмурилась, но все же ответила:

– Привет.

– Ты совсем не рада меня видеть... – продолжил Санчо, криво усмехнувшись.

В это же самое мгновение Денис молча развернулся и стал подниматься по лестнице. Он уходил, даже не взглянув. Он уходил.

Маша побежала следом. Лестница, коридор, ряд железных дверей, но вскоре она сбавила шаг, а потом и совсем остановилась. Резко прозвенел звонок. Словно разбился на множество мельчайших звеньев, и каждое звено, похожее на тонкую осу, остро впивалось, вибрируя, ей в глаза. Маша поняла, что плачет. Ужас! Она протерла ладонью щеки. Нет. Так дело не пойдет. Последняя тряпка. Сентиментальная, среди людей-то, нашла место. Паршивый Санчо.

На следующих переменах Дениса нигде не было, и домой Маша возвращалась одна. По мостовой неслись сухие листья... Скребли асфальт, мешались с грязью обочин. Бесцельно металась. Небо опухло мутными тучами.

Бесприютный серый город, серые лица уставших людей. Она надеялась, что встретит Дениса завтра, но и на другой день ничего не изменилось. Не было его ни в коридорах нового корпуса, ни в буфете, ни во дворе.

Хорошо бы уйти, про все забыть, но вместо этого она минут пятнадцать стояла возле крыльца, потом прошла и села на лавку между березами. Мелькнула Таня, она выходила из института, с ней Санчо и какая-то незнакомая девушка, короткие рыжие косы торчали из-под вязаного берета. До чего же уродлив мир. Косы походили на металлические штыри, а Санчо подпрыгивал на каждом шаге, нелепо пригибая колени. Березы клонились от ветра, и длинные ветви, словно дряхлые руки, шелушились листвой.

Маша опустила глаза. Книга. Коричневые от времени страницы; а может, кто чай пролил; стихи, ровные такие столбики, раз-два-три-четыре; сточные трубы строк. А когда она подняла глаза – от главного корпуса шел Денис. Резко остановился. Закурил. Посмотрел в другую сторону.

Конечно, ее он увидел сразу, скамейка-то в трех метрах, и никого вокруг, ни души. Маша положила ногу на ногу и склонила голову: она читала книгу, всего лишь читала, да. Как холодно.

Денис постоял еще и, наконец, медленным шагом направился к ней. Темное короткое пальто, сумка через плечо. Поздоровавшись, он сел рядом.

Некоторое время они молчали. Маша закрыла книгу и убрала ее в рюкзак.

– Диплом не успеваю писать, – притушив о скамейку окурок, сказал Денис. – Зато Волгина, записи дневника, все читаю.

– Последнего года?

– Да. Ты знаешь, где про свои предчувствия он пишет. Тридцать девятый что ли год. Все еще хорошо, у него жена, ребенок. Он по выходным в церкви поет. По ночам работает над романом. Раз в неделю встречается с друзьями, они играют на разных инструментах, на фортепиано. Читают стихи. И все-таки... Думаю, это самое страшное. Не смерть, а постоянная тревога, предощущение своего конца. И это в то время, когда он молод, здоров, и все так счастливо складывается. Вот об этом я думал.

– Мне кажется, Волгин не очень-то предчувствовал. Или лишь иногда, крайне редко. В других местах он описывает свои планы, сколько всего хочет сделать!

Денис как будто бы не слушал.

– Моего прадеда в тридцать восьмом отправили в лагерь, но он сумел бежать. Выпрыгнул из поезда и вернулся к жене, моей прабабушке. Ей было двадцать лет. Они скрылись где-то в лесу и недели три жили под открытым небом, прячась от всех. А потом его все-таки нашли и расстреляли. Мой дед родился через восемь месяцев. И вот, лет до пятнадцати, я каждое лето проводил в деревне, гостил у своего деда. Сколько его помню, он всем был недоволен. Своей жизнью, что ли. И знаешь, с чем он никак не мог смириться?

– Ну?..

– Считал, до яростного убеждения, что у него должны быть братья. Три брата и сестра. Ни больше, ни меньше. Моя-то прабабушка больше замуж не выходила. Чего-то все ждала. Чуть ли не воскрешения. Вот выйдет она к колодцу за водой на рассвете, а навстречу «Денис идет, рубашка вся в крови; мертвый – а все-таки идет ко мне, и все тут». На этот случай она в сундуке рубашку чистую берегла.

– Тебя в честь прадедушки назвали?

– А? Да, в честь него. Так вот. И сыну с раннего детства рассказывала, вместо колыбельной пела, как «жили они с папочкой» в лесу, от голода кору ели. Да! В родную деревню за хлебом пробраться страшно было. Потом папочки не стало. Люли-люли, засыпай. Сын слушал-спал, вот и вырос. Из всего он только одно понял: должны быть братья. Три брата и сестра. Но их нет. И никогда не будет. Странно, правда? С чего решил. Представь, мне лет пять, мы сидим в лодке с удочками, дед дремлет, а я скучаю. Боюсь пошевелиться. Нет ничего тягостнее таких вечеров. Рыба не клюет. Перевелась. Вода в реке мертвая, да про это вся деревня говорит. Не стало рыб, лягушки по вечерам не квакают. А дед все равно с удочкой сидит – а вдруг. Мне в это время чудится, вот-вот со дна всплывет что-то страшное. И дед утром на мои расспросы ответил еще: «а что, вполне может вылезти. Вполне». А то дедушка опомнится, выпьет немного и разговор завяжет. Из которого одно ясно: все в мире не так, как должно быть. Вот и рыбы нет. Посмотри, Дениска, совсем не клюет. Через десять лет мы поругались. Я высказал ему все, что думаю на этот счет. Ведь я уже стал взрослым, мог позволить себе.

– Прямо ему сказал?

– Ну да. Зачем он так? Хочу ли я рыбу ловить, которой не существует? Нет рыбы – значит, она не нужна. Более того. Меня не покидает чувство, что и я не должен был родиться. Произошел какой-то временной сдвиг в том, что прадед смог на три недели скрыться. За это

его расстреляли. В таком случае ты тоже не рад себе. Ты внесистемный, внеплановый, лишний какой-то. Самое интересно, что это постоянно подтверждается. Жизнью.

– Как ты неправ... – проговорила Маша. Она поняла, к чему клонил Денис. – Что за чушь! Как только в голову придти такое может! – и она тут же испугалась своих слов.

Денис покраснел.

– Тебе кажется теорией, надуманностью? Ты представь мир без себя. Совершенно без себя. Не сможешь, ведь, правда? А я могу. Без всяких шуток.

– Не пробовала.

– Специально – не получится. Фантазия вроде: вот я умер, а земля по-прежнему крутится. Не останавливается. Самовлюбленность какая-то.

– А ведь так и будет... когда-нибудь.

– «Когда-нибудь» – это да. Но не сейчас. Правда? Разница есть.

Он замолчал. Темные тучи вязко клубились над городом, и люди за оградой института быстро шли по широкому проспекту, подняв воротники. Макдоналдс вдалеке, ярко-желтая дверь. Никогда еще так долго и много Денис не говорил. Встречаясь на перемене в коридоре, они обычно молчали или вспоминали что-то незначительное, случайное; но случайное казалось не лишенным смысла, а молчание не тяготило, наполняя сердце тишиной.

Сейчас Маша ощущала легкую обиду. «И вот поэтому ты ушел, сбежал, бросил меня одну, оставил Санчо, верно?» – так хотелось спросить, но вместо этого она сказала:

– Может, пойдем? Холодно что-то.

Или высказать все же? Но она боялась, что слова прозвучат не вопросом, а упреком.

Денис склонил голову.

– Ты права, пора. Мне еще на работу.

– А где ты работаешь?

– В театре.

– Ой, как здорово!

– Не сказал бы.

– А что там ты делаешь?

– Да играю в некоторых спектаклях. Пойдем, Маш. Ты ведь замерзла.

Они встали и направились к выходу. Маша задумалась, вспоминая своих родственников. «В Советском Союзе были как плюсы, так и минусы, – рассуждала бабушка, – во-первых, цены. Дешевая колбаса. Вкусное сливочное мороженное. Сейчас таких уже нет. Натуральное мороженое! Но из минусов, – громадные очереди в магазинах». Еще говорили так: «Конечно, в войну голодали. Куда без этого. Но был энтузиазм. Была настоящая молодежь, была нравственность».

– Денис, а как ты думаешь, – спросила Маша, – теперь ведь стало лучше жить?

– Лучше, конечно. Только вот, кому жить-то? Некому, кажется.

– Тогда была нравственность...

– Во имя чего?

– Ну... человечества.

– Свобода, равенство, братство, – Денис рассмеялся, – что ж, звучит эффектно.

Мимо проехал пустой троллейбус. Тревожный гул проводов. Воробьи, вспорхнув, кружили над кустами. Троллейбус и городские прыткие птицы, и плитки асфальта, сквозь которые пробивалась бледная трава – все, переливаясь, дышало своей трогательной и незаметной жизнью; а впереди, между домами, уже зажглись первые фонари.

Они остановились перед аркой. Денис решил пойти на остановку. Театр на окраине Москвы, до него около часа на автобусе.

– До встречи, Маш.

– Пока, – она помахала рукой и, протиснув пальцы в карман куртки, зашагала в сторону музея.

Скоро выпадет снег, улицы заледенеют, и Маша уйдет тогда из музея, займется чем-то другим: долго работать на одном месте слишком утомительно. «Во всем должно быть разнообразие», – говорила мама. «Но иногда разнообразие можно найти и в неизменном. Так было, когда я целых десять лет жила с первым мужем. Все десять лет я любовалась им. Величайшее счастье жить с тем, кого любишь». Что случилось потом, мама не рассказывала, и сейчас Маша почувствовала, как же сильно соскучилась по ней. Странно, что этот Тимур понравился маме. Но одно дело, конечно, фотография, и совсем другое...

Маша вздрогнула. Она подошла к тому самому, девятиэтажному дому и по старой привычке посмотрела на балкон третьего этажа: старушка высилась, выставив локти, над цветочными горшками и словно дремала. Но вот она шевельнулась и, приподнявшись, качнула рукой. Потом замахала, мелко тряся кистью, будто сыпала курам пшено.

Испугавшись, Маша быстро свернула за угол. Во дворе, впервые за все это время, играли дети, мальчик и девочка лет пяти. Они сидели на краю песочницы и сосредоточенно копали маленькими лопатками одну яму. «Глубже копай, – сказал мальчик, – сделаем с тобой большую могилу на этом месте».

14.

Теперь, где бы она ни была и чем бы ни занималась, Маша думала только про Дениса. Ей представлялось: она падает куда-то, сквозь холод и вечную темноту, и еще немного, совсем чуть-чуть, и великая тайна жизни и смерти приоткроется ей. Ненужной тканью, словно пыльный чехол, сползет с предметов привычная личина, за каждым событием, за каждым словом и жестом приоткроется бездна, та самая, о которой поэты слагают стихи, а композиторы вслушиваются в нее томительно-лунными ночами. Ей казалось, будто вступает она в прекрасный сад, журчат ручьи, и легкие беседки раскинуты среди цветов, нежных, словно улыбка ребенка.

Вот что таил, бережно скрывал серебряный ручей, когда Маша, скинув босоножки, переходила на другой берег, а лес все продолжался, и вечнозеленые листья струились теплым светом. Тот же самый, и вместе с тем, чем-то неуловимым совершенно иной, обновленный лес. Тимур еще на это отвечал: «А я во сне летаю по небу», мол, как же это здорово.

Последнее время с Тимуром она почти не общалась: какие-то дела, к счастью, постоянно его отвлекали, до Нового года он хотел столько всего закончить, и серьезный разговор все откладывался и откладывался. Так, что теперь Маше казалось, ничего удивительного в том и не будет, когда она прямо скажет: «Я передумала. Давай, ты не будешь мне больше звонить. Никогда». Ну, а если Тимур спросит: «Почему?», она ответит: «Ты не в моем вкусе». И все. Когда-то, лет десять тому назад, именно так, трагически заломив руки, воскликнула пышно-рыжеволосая героиня из мыльного сериала, Маша, вернувшись из школы, смотрела телевизор вместе с бабушкой, с тех пор все забылось: имена героев, судьбы, но одна единственная фраза «ты не в моем вкусе», оказывается, хранилась в памяти столько лет, и теперь пришлось бы кстати.

Впрочем, про Тимура Маша почти и не рассуждала. Словно бы так просто, одной фразой из фильма, можно все решить.

Маша поливала цветы, болтала по телефону с Ниной, утром бежала в институт, поздно вечером – печатала рефераты или смотрела по интернету какой-нибудь короткий документальный фильм, словом, все было – как обычно. И даже более чем просто обычно. Обыденно.

Была ли она счастлива? Едва ли.

Ей постоянно хотелось видеть Дениса, быть рядом, не отлучаясь ни на одно мгновение. Встречи оказывались слишком короткими, еще не попрощавшись, Маша испытывала тревогу. Она походила на человека, который жаждет и вот, наконец, среди пустыни находит колодец с водой; но испить не может. А только стоит и смотрит. И тем сильнее жажда.

Хотя Денис и разговаривал с ней при встрече, но никогда не звонил первым. И до метро они больше не ходили: после уроков он оставался в институте, а зачем – Маша не знала. Да и что вообще она про него знала?

Денис Терентьев, двадцать три года, с темными глазами и печальным прошлым, которое не дает покоя. Но одно дело – прошлое семьи, и совсем другое – личное прошлое. «Быть может, у него есть жена?» – задавала себе вопрос Маша. И тут же ответила: «Так пусть разведется!», разве страсть не оправдывает любое преступление; только со стороны можно судить, вспоминая афоризмы, а когда человек стал частью тебя – тут уже «иная логика и иной закон». Хотя Маша, конечно, не представляла такой ситуации.

Первая лекция сегодня закончилась поздно, Лукомского охватил непонятный энтузиазм и он цитировал «Полтаву» Пушкина так долго, что конца, казалось, не будет. С задних парт уже посвистывали, кто-то намеренно громко чихнул и спросил: «не найдется ли платочек», а Лукомский все читал, читал и читал...

– Борис Витальевич, – подняла руку староста, – у нас скоро начнется другая лекция. А сейчас перерыв.

– Кончаю, кончаю, – ответил Лукомкий и продолжил, – вожди спокойные глядят, движенья ратные следят...

– Он точно со сдвигом, – определила Таня и тут же, повернувшись к Маше, спросила: «Слышь, а почему ты не ходишь теперь в Макдоналдс?»

В результате, от перемены осталось минуты три.

Как только Лукомский замолчал, Маша встала и выскочила из аудитории. Три минуты. Она не представляла, как протянет следующую пару, если не увидит сейчас Дениса; первую перемену они обычно проводили вместе, гуляли во дворе или сидели на лавке второго этажа возле библиотеки. Библиотека в этот час была еще закрыта, и мимо почти никто не ходил.

Маша прошла по коридору, потом спустилась вниз. Застегнула пальто и вышла на крыльцо. Дениса нигде не было. Она сбегала в соседний корпус. Но и там, мелькали перед глазами лишь незнакомые студенты. Каждый был занят и весел, а к автомату с кофе стояла большая очередь.

Пришлось вернуться.

– Между прочим, – сказала Таня, – Лукомский еще не кончил, когда ты вышла.

– Ну и что?

– Э, культура. Я же хотела поговорить с тобой.

– О чем?

– Про Макдоналдс и про Санчо.

«Ну, ничего, ничего, ведь впереди целый день, он мог проспать, а может быть, еще что. Перестань, Маша, поговори со своей подружкой. Посмотри вокруг себя. Улыбнись. Сегодня солнечное утро. Все будет хорошо. Не строй трагедий, не строй».

– Ты ведь заметила, что Санчо... И вот что по этому поводу я хочу сказать...

– Тише! – обернулись с передней парты.

Преподаватель, молодой с длинными желтоватыми волосам, разделенными на ровный пробор (за это его все любили), подошел к кафедре и началась лекция по социологии.

«Все будет хорошо», – твердила Маша, а сама ощущала, как внутри что-то мучительно покалывает, будто только что она проглотила лезвие. Боль предчувствия.

И точно, Дениса в этот день не было в институте. Не было его и на другой день, и на третий. И сотовый телефон молчал. Гудок за гудком. Пустота.

15.

Неизвестность страшнее всего, ночью Маша не могла заснуть. Она слышала, как в трубах, между этажами, журчит вода. Было очень холодно. Около трех она встала, пила чай с сахаром, но согреться так и не удалось.

Странно, что отопление до сих пор не включили. Пора бы. Завернувшись в одеяло, она прилегла на край дивана, прижала к груди руки и закрыла глаза. Вечный лед. Снега блестели от бледного пятна солнца, дул ветер с океана, и льдины вздымались, голубоватые, точно вены. Сталкиваясь друг с другом, льдины трещали, и вода под ними была землисто-черная, Маша знала: ей нужно как-то выплыть. Сделав усилие, она схватилась за льдину и тут же отдернула руку. Костер. Красные блики, незнакомые лица, обугленные волосы и вместо глаз – пустые впадины, сгоревшие люди лежали в ряд, некоторые закрывали голову руками, ставшими тонкими и черными, точно зола, другие сгорели совершенно, и человек угадывался лишь в горстке пепла. «Не хочу!» – отодвинулась Маша, но пламя было внутри нее, горстями она вырывала и отбрасывала, и на миг все тогда озарялось алым. Обжигая пальцы, она пыталась сорвать с себя одежду. Она задыхалась.

...Утром Маша поняла, что заболела, померила температуру и осталась дома. Приятно было лежать и ничего не делать. Чуть позже она встала, съела ванильный творожный сырок и запила его горячей водой. Включила музыку, давно не слушала, но старые знакомые мелодии показались настолько пресными и тоскливыми, похожими на бесконечную жалобу, что хоть из окна прыгай.

Несколько раз звонил домашний телефон, но Маша не подходила. На всякий случай, отключила и мобильный. «Каждый человек имеет право раз в год выйти из водоворота событий», – тут же придумалась красивая фраза. И, совсем некстати, другая: «Интересно, я тоже умру когда-нибудь?» Впрочем, видимо, именно так. Не об этом ли скрипичные сонаты.

А по лестнице кто-то все ходил, и двери тяжело хлопали.

16.

Двор этот напоминал колодец: стены с четырех сторон, все окна темные и нежилые. Должно быть, и правда: скоро, каким-нибудь морозным зимним утром, приедут сюда строительные машины и тяжелой гирей снесут ненужные ветхие строения. Разломится под мерными ударами столетний кирпич, деревянное крыльцо обратится в щепки. Кто вспомнит, что когда-то за этими стенами спал в кровати, за шторкой, ребенок, и голуби, слетевшись, глухо ворковали на чердаке.

Кто вспомнит, что в начале двадцать первого века в холодных сумерках осени, когда единственный фонарь на углу дома еще не загорелся, и небо бледнело цветом сухого листа, на крыльце, в шерстяном пальто и в серых сапогах на невысоком каблуке, прислонившись к дверному косяку, стояла девушка. Она смотрела перед собой на соседнее здание музыкального магазина, и тени деревьев казались огромными; качаясь от ветра, струились длинные ветви.

– Маша, – послышалось, – здравствуй!

Можно не оглядываться, разве не чувствовала она сейчас что-то удивительное в своем сердце, в полноте, что назревала, теплой волной передалась до кончиков пальцев. Весь мир сошелся в единственной точке. На темном крыльце заброшенного двора.

– Денис...

Он стоял под окнами, за палисадником, не улыбаясь, внимательно смотрел, и пальто его было расстегнуто, а руки в карманах.

– Привет!

Не сговариваясь, они пошли куда-то вглубь, за дома, так близко друг к другу, что чуть не наступали на ноги. Летели, плавно кружась, последние крупные листья.

– Что такая грустная? – спросил Денис.

– Я? Да нет... а ты сейчас... как, откуда?

– По делам, нужно было, просто шел, тут здание, не это – другое. Вернее, это самое, но мимо...

– Что? – не поняла Маша.

– Вот так, – вздохнул Денис, – мимо.

– Ну, ясно...

У Маши спала температура еще день назад, но в институт еще не ходила; понравилось проводить все время дома, и сегодня первый вечер, как она решила заглянуть в музей; недавно вернулась заведующая, и привезла из поездки несколько карандашей, по некоторым сведениям подобным стержнем мог пользоваться Волгин, хотя точно этого никто не знал.

– И при чем здесь карандаши... – закончила Маша, – обычные, цветные. Китайские.

Хотя они шли очень медленно, тихие дворы неумолимо кончались, за черной вязью деревьев уже просвечивали желтые окна девятиэтажного дома, и доносился приглушенный шорох машин. Вечный гул, неотделимый от города.

Денис свернул к детской площадке. «Садись», – сказал он Маше, усаживаясь на скамейку. Маша устроилась рядом. Они молчали.

Вдалеке, над сеткой забора, горели красным круглые светильники, и никого вокруг не было; только черное небо и яркие огни, и влажная скамейка, и песок под ногами.

Ей казалось, за эти несколько дней Денис как-то похудел, черты его лица обострились, румянец побледнел, а глаза, напротив, стали еще темней, сильная усталость отражалась в них. Взгляд его при этом оставался живым, и впервые Маша подумала, что в человеке мы замечаем, прежде всего, внутренне настроение, ту, почти неуловимую, подобную дыханию интонацию, и лишь затем – все остальное. Сколько существует правильных симметричных лиц, тронутых холодом небытия. Красивые и пустые улыбки, напоминающие оскал.

Как же ей хотелось, чтобы вечер не кончался, длился вечно, когда-то ведь было такое уже, нет разве? И тут она вспомнила, настолько четко и пронзительно, что слезы подступили к глазам, будто от световой яркой вспышки. Леша. Конечно. Запах его сигарет, ямочки на щеках. Его по-детски мягкая и тонкая ладонь. Денис совершенно другой, но взгляд, когда он, задумавшись, смотрит неподвижно вдаль, а потом вдруг опустит ресницы – тот же.

– Денис, – спросила Маша, – тебя не было в институте, что-то случилось?

– Да нет, ничего, просто дела, разные дела, я же работаю, – и тут он встал.

Фары машин скользили прочь, пронзая темноту. Мгновенными точками появлялись со стороны забора и так же быстро исчезали, будто растворялись в ночном туманном воздухе.

– Ты куда?

– Пора мне, на работу. Пойдешь до метро?

– Ну давай...

Маша подтянула ремешок на сапоге. Теперь они шли быстро, Денис, сдвинув рукав, глянул на часы:

– Время-то!

– На работу в театр?

– Скорей надо. Будет плохо.

– Денис, – Маша еле успевала, она бежала мелкими шажками, заглядывая сбоку, – кого ты там играешь?

– Кого? Да, знаешь, по-разному. Спектакли – уклон в сатиру. Я же пою. Сначала учился в консерватории, но потом ушел. Играю женщин, пожилых. Ну, вернее Бабу Ягу. А в другом спектакле играю любовницу короля.

– Что-что?

– Это так забавно. Тебе бы понравилось.

– Женские роли?..

– А ты думала что – Гамлета? – он рассмеялся, – ну вот.

Они входили в метро. Толпа тут же подхватила, удушливо сжимая, и понесла в общем, едином направлении; с эскалатора пахнуло жаром и поплыли сверкающие белые светильники, похожие на соляные столбы. В переходе, глубоко внизу, играли на скрипке, звуки высоко взлетали, зависая на мгновение, прокалывали собой пространство, и тут же мучительно долго тлели, вибрируя в общем шуме. Это была не игра, а какое-то издевательство. Непрекращающийся кровавый крик.

– Скрипка расстроенная, – сказал Денис.

Вырвавшись из толпы, они спускались по левой стороне эскалатора.

– Позвольте пройти, – то и дело просил Денис; как уж они торопились, бежали, схватившись за ленту перил, липкую от чужих пальцев.

Маше нужно было переходить на другую станцию, и они попрощались у лестницы, под декоративным лепным балконом. Люди на барельефе, статные, в военных шинелях целились из пушки в невидимых врагов. «Ура, революция» – гранитная подпись внизу.

– Мне бы хотелось... Можно посмотреть твой спектакль? – спросила Маша. – Как-нибудь...

– Не стоит, – резко ответил Денис, – до встречи, я же опаздываю.

На середине лестницы, приостановившись, Маша не выдержала и оглянулась.

Он стоял все на том же месте и смотрел в ее сторону, провожал взглядом. Стройный, светловолосый, он словно источал сияние среди сутолоки, грохота поездов, среди грязи, мрачных скульптур с автоматами наперевес; а скрипка пронзительно, в бешеном темпе, продолжала играть, и звуки, захлебываясь, походили на визг.

17.

Музыка метро, будто отравленная стрела, рассекла размеренность жизни, и дни с тех пор катились снежным комом с высокой горы, все быстрее и быстрее, мешая ночь и день, чудовищно обрастая не-делами, снами и разговорами.

Пиликающая скрипка походила на старуху, густо накрашенную, с яркими губами. Она танцевала, притопывая каблуком; пела и кашляла, и покрывалась морщинами, точно пень.

Вечная любовь... Под небом голубым – гнилые зубы домов с дырами пластиковых окон и дверей. Прекрасно, не правда ли? Особенно, если промозглая осень и дождь, а вы лежите где-нибудь в тепле, скажем, под могильной плитой, и ничего-то вам больше не нужно, ничего.

Душа – та, конечно, в облаках витает, радостно так, чив-чив, по небу. «Вот для кого любовь светла и подобна сахарным цветам на открытке» – сказал как-то Тимур.

Впрочем, разве не открытка и все остальное. Он с отличием окончил среднюю школу, поступил в МГУ. В свои двадцать семь лет столько всего повидал, побывал и в Италии, и во Франции, и в Китае: вывез оттуда множество приятных впечатлений и цветных фотографий. Написал диссертацию, устроился на высокооплачиваемую работу в столичном офисе. И наконец, встретил хорошую девушку. У нее были необыкновенно голубые глаза, коричнево-золотистые длинные волосы. И простой веселый характер, что немаловажно. Тимур заметил ее сразу, когда еще стоял за кафедрой и, поглядывая в зал, читал доклад про значение союза «и» в ранних рассказах Толстого. Потом этот автобус. Ему запомнилась тихая улыбка и крохотная темная родинка на шее, ближе к плечу.

Дома тем же вечером Тимура охватило беспокойство. Он оглянулся на свою жизнь, на себя, молодого, в меру красивого и способного, потом на образцовую жизнь других людей и понял, чего ему еще не хватает. Конечно, давно пора. С тех пор, как он порвал с первой девушкой – со Светкой – незаметно прошло целых пять лет. Девушку эту, бойкую, с черным конским хвостом и густой челкой, вспоминать даже не хотелось. Денег столько на нее потратил, водил по ресторанам, ткнув пальчиком, она требовала ирландское кофе, тогда как горячий шоколад, к примеру, в два раза дешевле. Потом истерики типа «пойдем в кино!», на премьеру какого-нибудь глупого вульгарного фильма: он-она – жених и невеста, и вдруг, перед свадьбой, невеста по уши влюбляется в другого, кто-то из них троих ближе к финалу, разумеется, кончает самоубийством. Тимур припомнил, как он сидел, скучая, в кинозале. Жених – тучный банкир, а возлюбленный невесты – этакий красавчик, белокурый бездельник с сигареткой в зубах. Вопиющая банальность и стереотипность мышления просто угнетали. «Всегда у нас так, – рассуждал Тимур, – отрицательные люди, любовники и бездельники, подаются привлекательно, а кто-нибудь приличный, тот же банкир (а что, работает, честный), смотрится на их фоне последним негодяем. Светлана, напротив, от фильма осталась в восторге. «Вау, – сказала, – а что, прикольно».

Размышлял Тимур полночи, а под утро написал Маше небольшое письмо. С тех пор он чувствовал себя особенно счастливым и спокойным. Жизнь обретала формы классической законченности, и это не могло не радовать. С каждым днем в Маше открывалось все больше достоинств, с ней было легко и просто. А как играла на аккордеоне! Что-то бесконечно грустное, похожее на раскат волны, пустые, полумесяцем, лодки привязаны к причалу под ночным безгласным небом; и горы овеваны туманом.

Тимур почти сразу понял, что многие интересы у них совпадают: ролики, литература, летний лес и грибы, классическая музыка, акварельные пейзажи. Они просто созданы друг для друга. Несомненно! Не смутило Тимура и то, что Маша не имела собственной московской квартиры, дачи или хотя бы машины. Это, конечно, если серьезно задуматься о создании семьи. Впрочем, брак по расчету всегда претил, а тут и родители согласились: «Главное – сам человек,

а девушка очень хорошая. Мы будем вам помогать». В том, что он жертвует своим благополучием, отдает, а не получает, было что-то героическое, очень положительное или, как сформулировал Тимур, – «человеческое». Ему нравилось ощущать себя нерациональным, класть в основание семьи личное чувство, а не деньги.

...Все эти дни Тимур усиленно занимался диссертацией, ездил на кафедру за подписью начальника, а за одно переговорил с оппонентом, и сегодня, когда вся суета осталась позади, было приятно позвонить Маше, а то и пройтись с ней по вечерним улицам. Но, странное дело, телефон молчал. Пустые гудки. «Аппарат отключен или вне зоны доступа». Встревожившись, Тимур сел за компьютер и щелкнул в закладках почту. Новых писем не было. Получается, Маша не ответила, а ведь последнее сообщение он отправил дней пять тому назад. Неужели что-то случилось. Он позвонил еще раз, а потом, задумавшись, вошел в социальную сеть, на свою страницу, и стал бессмысленно и быстро листать фотографии. «Телефон мог просто разрядиться. Но ведь и на письмо нет ответа...»

К сожалению, Маша так и не зарегистрировалась ни на одном популярном сайте, сколько он ни упрасивал, перечисляя плюсы. «Не хочется, – отвечала. – Это глупо, но мне представляется рыболовная сеть. Я бьюсь в ней, запутавшись. Среди писем, фотографий, чужих дел напоказ. Все лучшее должно оставаться втайне».

«Но никто не требует вываливать все, что имеешь. Просто нужно уметь в меру пользоваться...»

«Да знаю! Понимаю».

«Так что же?»

«Не хочется».

Такой вот плодотворный разговор. Сам Тимур отлично обустроил свою страницу: загрузил интересные фильмы и музыку, создал отдельный альбом, где размещал фотографии Маши, приятно, черт возьми, перечитывать комментарии, лишний раз подтверждающие правильность выбора. Вот они стоят вместе на фоне набережной. Весна. Маша в легком голубом платье и белых туфельках, улыбаясь, держит гвоздики (Тимур решил раскошелиться), а он, Тимур, в стильных брюках и рубашке навыпуск, обняв ее за плечи, смотрит радостно. Как молоды они и счастливы! С этим-то уж не поспоришь.

И друзья согласны, комментируют наперебой: «вы лучшие», «ах!», «твоя девушка – прекрасна».

Друзей у Тимура много – человек семьсот, откуда только нет. Даже из института, в котором учится Маша, несколько ребят добавились. На конференции, должно быть, запомнили. Конечно, выступал там не раз, и перед разными факультетами. Говорит он неплохо, умеет заинтересовать даже самой невзрачной и скучной, на первый взгляд, темой. И слушают его всегда внимательно. Очень внимательно. Мда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.